



ФИЛОЛОГИЯ

УДК 81 '41

СЛОВАРИ В. И. ДАЛЯ И А. БРЮКНЕРА КАК ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ

© Е. Е. Стефанский

Стефанский
Евгений Евгеньевич

доктор филологических наук,
доцент

директор Центра довузовской
подготовки
Управления международной
деятельности

Самарский национальный
исследовательский
университет имени академика
С. П. Королева

e-mail: estefanski@rambler.ru

«Словарь живого великорусского языка» Владимира Даля и «Этимологический словарь польского языка» Александра Брюкнера рассматриваются в статье как источники этнолингвистического материала — представлений, верований, обычаев и обрядов, отраженных в языке. Например, в двух пословицах зафиксированы русский и польский фрагменты языковой картины мира, связанные с понятием 'совесть'. В соответствии с польской пословицей *Co oko ciała, to sumienie duszy* 'Совесть для души, что глаз для тела' совесть живет в душе и вместе с ней противопоставляется телу. Тогда как картина мира во включенной в словарь В. И. Даля русской пословице *Глаза – мера, душа – вера, совесть – порука* построена не по бинарной, а по тернарной модели: душа противопоставляется телу, а средством и залогом (порукой) их гармоничных отношений является совесть, которая выводится как за пределы тела, так и за пределы души. Совесть воспринимается в русской языковой картине мира как нечто идущее не от личности, а извне, в конечном счете — от Бога. Автор отмечает фиксацию в анализируемых словарях древнего синкретизма значений некоторых лексем, утраченных в современном сознании фрагментов картины мира, описание некоторых обрядов, память о сакральном и профанном.

Ключевые слова: этнолингвистика, языковая картина мира, сакральное и профанное, отражение в языке древних обрядов.

На новом витке развития лингвистической науки, когда на рубеже XX-XXI века языкознание перешло от анализа структуры языка к рассмотрению человеческого сознания, отраженного

языке, «Словарь живого великорусского языка» В. И. Даля и «Этимологический словарь польского языка» А. Брюкнера по-новому оценены представителями такой науки, как этнолингвистика.

Как отмечается в энциклопедии «Кругосвет», эту науку интересуют две ключевые проблемы:

«1. Каким образом, с помощью каких средств и в какой форме в языке находят отражение культурные (бытовые, религиозные, социальные и пр.) представления народа, говорящего на этом языке, об окружающем мире и о месте человека в этом мире?

2. Какие формы и средства общения – в первую очередь, языкового общения – являются специфическими для данной этнической или социальной группы?»¹

И в этом отношении словари В. И. Даля и А. Брюкнера (где можно встретить необычное употребление многих слов, устойчивые выражения, отражающие особое мировосприятие и даже прямое описание различных обычаев и обрядов) оказываются источниками богатейшего этнолингвистического материала – представлений, верований, обычаев и обрядов, отраженных в языке.

Прежде всего следует отметить, что примеры ряда словоупотреблений, зафиксированных в словаре В. И. Даля, позволяют говорить о **древнем синкретизме значений некоторых лексем**.

Так, В. И. Даль приводит словосочетание *палющий мороз* (IV;346)², которое отнюдь не является оксюмороном (как, например, *горячий снег*), и наличие его свидетельствует о том, что глагол *палить* мог обозначать не только экстремальную жару, но и экстремальный холод.

Глухие отзвуки этого синкретизма можно наблюдать и в современном русском языке. Ср., например, строки из песни, исполняемой в фильме «Чародей»: *В жару и стужу жгучую, // Чтоб не было беды, // Не пей ни в коем случае // Ты ведьминой воды*. Здесь прилагательное *жгучий*, обозначающее обычно экстремальную жару, употребляется с существительным *стужа*, обозначающим экстремальный холод.

На основе данных словаря В. И. Даля можно говорить о синкретизме ценностных характеристик оппозиции *легкий-тяжелый*.

Так, В. И. Даль приводит фразу *Этот человек легок* ‘ветрен, опрометчив’ (II; 242) сейчас бы мы сказали *легкомыслен*. В то же время в хрестоматийно известной реплике Лопухина о Раневской в пьесе А. Чехова «Вишневый сад»: «Хороший она человек. **Легкий**, простой человек» достаточно легкомысленная героиня пьесы характеризуется положительно.

Хорошо известны русские устойчивые выражения *С легкой руки* и *У него легкая рука*, положительно характеризующие удачливого человека. Вместе с тем в словаре В. И. Даля. (II; 243) зафиксированы поговорки *Чужия руки легки*,

¹ http://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/lingvistika/ETNOLINGVISTIKA.html

² Поскольку словарь В. И. Даля в России традиционно репринтно воспроизводят по изданию 1880-1882 гг., а словарь А. Брюкнера в Польше – по изданию 1927 г., мы не указываем год издания этих словарей в библиографических ссылках.

да не къ сердцу и На легкую ручку, комкомъ да в кучку 'как ни попало, дурно', отрицательно оценивающие «легкость руки».

В. И. Даль приводит диалектный глагол с положительной ценностной характеристикой *тяжати* 'прилежать, трудиться, работать' (IV; 55), а чуть ниже в его словаре можно встретить существительное *тяжкун* (там же), являющееся одним из эвфемистических названий беса, сатаны и потому принадлежащее к отрицательному оценочному полюсу.

Положительная оценочность тяжести и отрицательная легкости в традиционной народной культуре подтверждается, в частности, репликами героини культового фильма «Три тополя на Плющихе» Анны, которая отрицательно оценивает легкую жизнь. На реплику таксиста «И все-то ты знаешь. На все у тебя ответ готов. *Легко* живешь» она отвечает: «*Легко* только *злыдни* живут. У них и вовсе заботы нет», однозначно относя легкую жизнь к полюсу зла. А потом, чтобы зафиксировать свое пребывание на противоположном полюсе, добавляет, используя метафору тяжести: «Дом на мне». В другом эпизоде, отказываясь от предложения водителя такси поднести ей чемодан, она говорит: «Примета такая есть. Сама рук не оборвешь — счастья не будет. В чужой дом уйдет». Тем самым данная примета наряду с поговоркой *Своя ноша не тянет* маркирует позитивную ценностную характеристику *тяжести*. Таким образом, в традиционной народной культуре собственноручно носимая тяжесть оказывается символом счастья.

Нередко, обратившись к рассматриваемым словарям, за привычными устойчивыми выражениями и фольклорными формулами можно увидеть **зафиксированные языком древние обряды**.

Так, в известной всем русским игре в «ладушки» (в ладошки) играющие (обычно взрослый и почти не умеющий говорить ребенок) касаются ладонями друг друга. При этом произносится следующий текст:

Ладушки, ладушки,
Где были? — У бабушки.
Чего ели? — Кашку.
Чего пили? — Бражку.
Кашка сладенькая.
Бражка пьяненькая.

О том, что это далеко не невинная песенка об угощении бабушкой внучки, говорят четвертая и шестая строчки, описывающие отнюдь не предназначенный для ребенка алкогольный напиток. Показательно, что в одном из детских фильмов-сказок «по этическим соображениям» две последних строчки были опущены, а четвертая произносилась в трансформированном виде: «Пили простоквашку». Известную мудрость о том, что «из песни слова не выкинешь» подтверждает тот факт, что в результате этой «правки» нарушается диалогический параллелизм второй, третьей и четвертой строк. Скорее всего, этот текст стал вербальным сопровождением тризны и ритуального общения с предками на могиле. При этом касание ладонями могилы было сакральным актом, позволяющим преодолеть черту между мирами. В этой связи весьма показателен приводимый В. И. Далем (III; 25) обычай *могилы пахать*, что означает 'тщательно подмести могильный холм, застелить его платком

(возможно, в древности на ткань ставилась еще еда и питье) и беседовать вслух с безответным покойником³.

Одновременно на ритуально-мифологическом уровне подчеркивается сходство метения и пахоты, так как сам обряд (изначально языческий), лишенный даже попытки христианской адаптации и переосмысления, связан с преодолением черты между мирами.

Такой же изначально сакральный смысл заложен в приводимой В. И. Далем поговорке *Жена родит — муж песок боронит* (I, 117). Поздний смысл этой поговорки иронически-бытовой: пока женщина занята важным делом, ее муж занят ерундой, пустым времяпрепровождением. Однако В. И. Даль отмечает, что она отражает какой-то древний обычай. Не исключено, что боронование песка (возможно, вокруг роженицы) имело ритуально-защитное значение и было частью своеобразной кувады — распространенного первобытного ритуала, связанного с родами, когда мужчина берет на себя функцию магической обороны и защиты роженицы, нередко имитируя родовые схватки, чтобы привлечь на себя и отвести от реальной роженицы действия злых духов.

Еще один обряд отразился в славянской лексике с корнем *žal-. Обычно считается, что понятие жалости связано с идеей боли, мучения⁴. Это утверждение, как правило, основывается на этимологическом родстве славянского *žal и лит. *gėlà* 'жестокая боль, мучение, мука', *gėlti* 'болеть, жалить', д.-в.-н. *quāla* 'мука'⁵. Чешская исследовательница Г. Карликова связывает происхождение имен эмоций с этим корнем с применявшимися во время погребальных обрядов флагеллантскими ритуальными практиками, предполагавшими самоистязание⁶.

Вместе с тем у данного корня существует и другая этимология. В «Этимологическом словаре польского языка» А. Брюкнер, привлекая такие древнепольские слова, как *žale*, *žalniki* 'кладбища', *žaloby* 'надгробные памятники', а также соответствующие слова из лужицких языков, где на месте польского / встречается *r* (луж. *žarba*, *žaroba* = польск. *zalba*, *żałoba*), высказывает предположение о том, что *žal* - то же самое, что *žar*, а слово *žale* изначально означало 'место для сжигания умерших' (661). Слова *жаль*, *жальник* 'могила' находим в словаре В. И. Даля (I, 525), а лексему ЖАЛЬ 'могила, гробница' и в «Старославянском словаре»⁷.

Аналогичные данные находим у С. Б. Бернштейна. Опираясь на исследования Г. А. Ильинского, он отмечает такие лексемы, как др.-польск. *žal* 'горение', кашуб. *žaleć* 'тлеть', польск. *zgliszczce* 'пепелище', и приходит к выводу о том, что алломорфы *gōl-: *gōl-: *gel-: *gyl- восходят к одной морфеме со

³ См. подробнее: *Агранович С. З., Стафанский Е. Е.* Миф в слове: продолжение жизни. Самара : Самар. гуманитар. акад., 2003. С. 76, 136.

⁴ *Зализняк Анна А.* Заметки о метафоре // Слово в тексте и словаре. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 88–89.

⁵ *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка : в 4 т. Т. II. М., 1987. С. 35.

⁶ *Karliková H.* *Typy a původ sémantických změn výrazů pro pojmenování citových stavů a jejich projevy ve slovanských jazycích* // *Slavia*, 67, 1998 [1-2]. S. 52.

⁷ Старославянский словарь. М. : Русский язык, 1994. С. 212.

значением 'гореть, пылать, тлеть'⁸.

В пользу этой этимологии говорят и факты многих современных славянских языков (русский язык представляет здесь исключение), где слова типа польск. *żal*, чешск. *žal*, словацк. *žiaľ*, сербск. *жалост* обозначают не просто 'душевную боль' (такую семантику имеют в сущности все слова, передающие негативные эмоции), а 'боль по поводу утраты кого-либо'. Характерна в этом плане официальная формула, извещающая о смерти, в польском языке: "Z głębokim **żalem** i smutkiem zawiadamiamy o śmierci N" — «С глубокой **скорбью** и печалью сообщаем о смерти N». См. также польск. *żałoba* 'траур', 'траурная одежда', *żałobnik* 'человек, носящий траур', книжное *żałość* 'скорбь, печаль'⁹.

Как видно из примеров, соответствующее значение чешск. *žal*, и польск. *żal* вербализуется в русском языке в таких лексемах, как *печаль*, *скорбь*, *траур*, *горе* (реже — *тоска*). По-видимому, одним из первых эмоциональных значений корня **žal-* (< **žag-*) как раз и было состояние, испытываемое близкими в момент кремации умершего.

С помощью словаря А. Брюкнера может быть осмыслена фольклорная формула *колдовские чары*. Отметив, что слово *чародей* встречается еще в памятниках IX века, польский этимолог пишет, что лишь в чешском языке сохранилось исходное слово *čara* 'черта, линия', а родственные ему глаголы имели значение 'чертить', поскольку черчение линий (даже воображаемых) было неотделимо от колдовства. Например, такие линии проводили над человеком при заклинании (72). На родство слов *чары* и *черта* указывал и В. И. Даль (IV, 583). Таким образом, чешский язык сохранил этимологическую связь черчения линий и колдовства. Чешские этимологи усматривают родство лексемы *uara* 'черта, линия' со словами *čary* 'чары, волшебство, колдовство' и *čarovat* 'чаровать, колдовать'. По мнению Й. Рейзека, древнейшим значением слова *uara* было 'пограничная линия, отделяющая чародейский круг'¹⁰. Таким образом, *творить чары* (т. е. 'чертить линии') когда-то буквально означало 'колдовать'. Далее слова *čara/čary* восходит к и.-е. **ker-* 'резать', т. е. 'разделять, разрезать землю'. В сущности эти проведенные по земле "черты и резы" могут быть осмыслены как архаический дописьменный мнемонический прием фиксации мифологических знаний и ритуальных практик.

Нередко включенные в анализируемые словари паремии фиксируют **фрагмент картины мира**.

Так, очень показательны две пословицы, связанные с понятием 'совесть'. В соответствии с польской пословицей *Co oko ciai, to sumienie duszy* 'Совесть для души, что глаз для тела'¹¹ совесть живет в душе и вместе с ней противопоставляется телу. Тогда как картина мира во включенной в словарь В. И. Даля

⁸ Бернштейн С. Б. Очерк сравнительной грамматики славянских языков: Чередования. Именные основы. М.: Наука, 1974. С. 12.

⁹ Słownik języka polskiego / red. naukowy M. Szymczak. W 3 t. T. III- Warszawa, 1981. S. 1084.

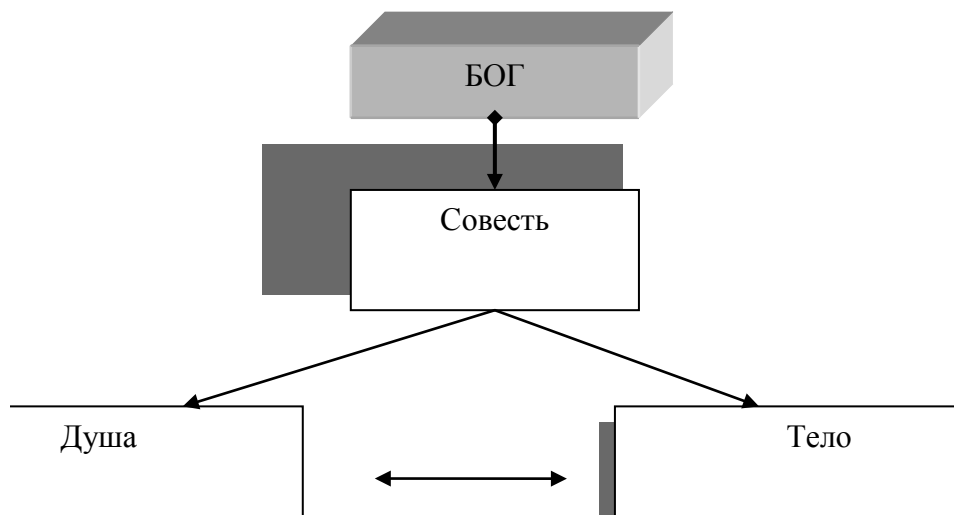
¹⁰ Rejzek J. Český etymologický slovník / J. Rejzek. Praha: Leda, 2001. S. 112.

¹¹ Długosz-Kurczabowa K. Nowy słownik etymologiczny języka polskiego. Warszawa: PWN, 2003. S. 476.

русской пословице *Глаза — мера, душа — вера, совесть — порука* (IV, 257) построена не по бинарной, а по тернарной модели¹²: душа противопоставляется телу, а средством и залогом (*порукой*) их гармоничных отношений является совесть, которая выводится как за пределы тела, так и за пределы души. Совесть (буквально — совместное знание о неких общественных установлениях) воспринимается в русской языковой картине мира как нечто идущее не от личности, а извне, в конечном счете — от Бога. Это проявляется в употреблении слова категории состояния *совестно*. В ряду с аналогичными по грамматике словами типа *холодно, скучно, противно, грустно* и др. они описывают состояние человека не как результат его эмоциональных усилий, а как нечто навязанное извне. См. таблицу 1:

Таблица 1

Концепт «СОВЕСТЬ» в русской языковой картине мира



Завершая гарвардскую лекцию, в которой еще в 1978 году были сформулированы важнейшие вызовы XXI века, Солженицын говорил: «Если не к гибели, то мир подошёл сейчас к повороту истории, по значению равному повороту от Средних Веков к Возрождению, — и потребует от нас духовной вспышки, подъёма на новую высоту обзора, на новый уровень жизни, где не будет, как в Средние Века, предана проклятию наша физическая природа, но и тем более не будет, как в Новейшее время, растоптана наша духовная»¹³.

Как видим, русский писатель попытался решить важнейшую, по его мнению, проблему нашего времени на основе тернарной модели: чтобы гармонизировать отношения между физическим и духовным, нужно подняться

¹² Подробнее о бинарной и тернарной моделях см.: *Агранович С. З., Саморукова И. В.* Гармония — цель — гармония: Художественное сознание в зеркале притчи. М. : Междунар. ин-т семьи и собственности, 1997.

¹³ *Солженицын А.* Речь в Гарварде. URL: http://states2008.russ.ru/publikaciya_nedeli/aleksandr_solzhenicyn_rech_v_garvarde

«на новую высоту обзора». Что это за высота — осталось за пределами лекции. Но в русской языковой картине мира этой высотой, этой «порукой» является совесть.

Весьма интересна приводимая В. И. Далем поговорка с ироническим на первый взгляд значением: *Дворь кольцом: три кола забито, три хворостины завито, небомь накрыто, свѣтомь огорожено* (II, 145; IV, 146). В современном русском языковом сознании эта поговорка утрачена, во времена В. И. Даля она, несомненно, иронически передавала полный развал хозяйства. Но исходно она, скорее всего, обозначала процесс творения обитаемого локуса, для которого уже есть все необходимые составляющие: вечность мира, символизируемая *кольцом* и магическим числом *три*, три *кола* (< *kel- - *kol- 'двигаться, вращаться, подниматься, расти, бить, колоть'¹⁴) как пространственный ориентир, центр «своего» мира, *завитые* (< *vei- - *voi- 'жизненная сила') хворостины как символ зарождения, роста, преумножения, безграничность творимого локуса по вертикали (*небомь накрыто*) и горизонтали (*свѣтомь огорожено*). Ироническое переосмысление этой поговорки десакрализует ее космогонический смысл и, выворачивая наизнанку, превращает космос в хаос — символ полного разорения.

Различные языковые единицы хранят память о **сакральном и профаном, чистом и нечистом**.

Отметив у слова *сквара*, наряду со значениями 'огонь, пламя, огненный жупел, горение и смрад' еще и лексико-семантический вариант 'скверна', В. И. Даль, высказал предположение об этимологическом родстве слов *сквара*, *вышкварки*, 'вытопки или перегорелые остатки на салотопне' и *скверный*, *скверна* (IV, 194). На мысль о ритуальной сакральности явлений, обозначаемых данным этимологически корнем, наводит и его родство с русск. *шкварки*, праслав. *skvaga 'огонь, пламя' и др.-русск. *сквара* 'жертвоприношение, дым, смрад'¹⁵. Данные чешского языка, где слово *skvrna* обозначает 'пятно, недостаток, порок', а его производные *poskvřit* значит 'опорочить, запятнать, опозорить' и *poskvřěný* имеет значение 'запятанный, опозоренный'¹⁶, позволяют предположить, что соответствующий корень, очевидно, связан с представлениями о ритуальной нечистоте, вызванной, скорее всего, скоромной пищей. В этой связи показательно, что автор чешского этимологического словаря Й. Рейзек полагает, что исходным значением праслав. *skvьgnъ было 'засаленный, замасленный', а само это слово этимологически связано с глаголом *skverti 'жарить, растапливать жир'¹⁷. Важно отметить также большую словообразовательную активность корня -скврьн- в старославянском языке: **скврьрна** 'нечистоты, грязь, мерзость, скверна', **скврьнъ**, **скврьनावъ** 'грязный, нечистый, мерзкий' **скврьннги** 'пачкать, грязнить, осквернять', **скврьнность** 'скверна,

¹⁴ Балалыкина Э. А. К истории слов, восходящих к и.е. *kel-*kol в русском и польском языках // История русского языка. Лексикология и грамматика. Казань : Изд-во Казанского ун-та. 1989. С. 2–27.

¹⁵ Черных П. Я. Историко-этимологический словарь русского языка : в 2 т. Т. II. М. : Русский язык, 1993. С. 418.

¹⁶ Slovník spisovné češtiny. Praha : Akademia, 2004. S. 391.

¹⁷ Rejzek J. Český etymologický slovník. Praha : Leda, 2001. S. 579.

осквернение', **сквръникъ** 'скверный, мерзкий, гадкий человек', **скврънолюбнѣ** 'тяготение к пороку, греху, мерзости', сквръно»дени- 'нечистая пища', **сквръньнѣ** 'нечистый, оскверненный', **скврърникнѣ** 'грязь, нечистота, осквернение'¹⁸. См. также в словаре В. И. Даля: *сквернодѣй* 'распутник', *сквернодѣйство* 'распутство, разврат', *сквернословъ* 'срамослов, буслов, поругатель, кощун', *скверноотяжаніе* 'преступное, греховное обогащение' (IV, 194).

Словарные данные фиксируют сакральность многих явлений, связанных с сексуальной сферой. Это прежде всего относится к корню *jag-.

Ярость для древних славян, по-видимому, не что иное, как неотъемлемый признак маскулинности. Так, польский этимолог В. Борысь отмечает имевшееся в древнепольском языке у прилагательного *jarу* значение 'крепкий, бодрый, лихой, удалой, развратный', которое сохранилось в современном польском языке лишь в устойчивом выражении *stary, ale jarу* (букв. 'старый, но крепкий')¹⁹. Фразеологическое же значение этой поговорки, по-видимому, близко к русск. *Седина в бороду, бес в ребро*.

В. И. Даль отмечает у прилагательного *ярый* значение 'похотливый', а у существительного *ярость* — 'похоть'. Весьма показательны значения других частей речи с корнем -яр-, приводимые в его словаре: *ярить* 'разжигать похоть', *яриться, яровать* 'быть въ порѣ, въ течкѣ, в расходкѣ, ростиься, токовать' (IV, 679).

Если вспомнить, что словом *яр, яра* обозначалась весна, а *Ярила* был славянским богом плодородия и любви, то легко понять, что наиболее общим значением соответствующего корня было 'возбужденный', которое могло конкретизироваться в том или ином направлении. О сакральности понятий, передаваемых корнем *jag-, для древних славян свидетельствует тот факт, что, по словам А. Брюкнера, корень -jar- в славянских личных именах был синонимом корня -święt- 'святой'. «Один и тот же божок, — отмечает исследователь, — называется *Świętowit* в Арконе и *Jarowit* в Хавельберге, *Jaroslawa, Jaropelk* = *Świętosław, Świątopelk*» (199).

Приводя пример *Олень в ярости рюхаетъ* (IV, 679), В. И. Даль связывает корень *jag- с другим обозначением сексуального возбуждения — *гъва. *Рюхатъ*, по Далю, значит 'ржать, говоря об оленѣ' (IV, 123). Давая толкование и этимологию слова *Рувень* — *Рювень*, В. И. Даль связывает его с глаголами *ревѣть, рюить* и отмечает, что так называется «мѣсяць сентябрь отъ рева оленей?» (IV, 108).

А. Брюкнер этимологически связывает со словом *гъва русское слово *ревность* (476) а данный корень в другой огласовке — *ruja* — означает время спаривания животных²⁰, отсюда названия осенних месяцев (сентября или октября) в ряде славянских языков. См.: др.-русс. *рюень, рувень*, с.-х. *rujan*, чешск. *říjen*²¹.

¹⁸ Старославянский словарь. М. : Русский язык, 1994. С. 605–606.

¹⁹ Boryś W. Słownik etymologiczny języka polskiego / W. Boryś. Kraków, 2005. S. 204.

²⁰ Boryś W. Słownik etymologiczny języka polskiego / W. Boryś. Kraków, 2005. S. 526–527.

²¹ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. Т. III. М., 1987. С. 53.

На сакральность явлений, обозначаемых рассматриваемым корнем, указывает польский исследователь А. Гейштор, который приводит имя одного из славянских богов — *Рувита*. По мнению ученого, его имя происходит от корня *ru-*, выступающего в старопольских словах *rzwa* 'гнев', *rzwiec* 'рычать'; *Руя*, или время оленьего рыка, выступает и в русском названии осеннего месяца *руень*, на который выпадает время *руи*²².

Как видно даже на этом далеко не обширном и исчерпывающем материале, словари В. И. Даля и А. Брюкнера, могут служить великолепными источниками этнолингвистического материала. Более того, по-видимому, назрела необходимость снабдить новые переиздания данных словарей соответствующими этнолингвистическими комментариями.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Агранович С. З., Саморукова И. В.* Гармония — цель — гармония: Художественное сознание в зеркале притчи. Москва : Международн. ин-т семьи и собственности, 1997. 135 с.
2. *Агранович С. З., Стефанский Е. Е.* Миф в слове: продолжение жизни. Самара : Самар. гуманит. акад., 2003. 168 с.
3. *Балалыкина Э. А.* К истории слов, восходящих к и.е. *kel-*kol в русском и польском языках // История русского языка. Лексикология и грамматика. Казань : Изд-во Казанского университета, 1989.
4. *Бернштейн С. Б.* Очерк сравнительной грамматики славянских языков: Чередования. Именные основы. Москва : Наука, 1974. 378 с.
5. *Даль В. И.* Словарь живого великорусского языка : в 4 т. Москва : Русский язык, 1989-1991.
6. *Зализняк Анна А.* Заметки о метафоре. URL: Слово в тексте и словаре. Москва : Языки русской культуры, 2000.
7. *Кругосвет : энциклопедия.* URL : www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/lingvistika/etnolingvistika.html
8. *Солженицын А.* Речь в Гарварде. URL : http://states2008.russ.ru/publikaciya_nedeli/aleksandr_solzhenicyn_rech_v_garvarde
9. Старославянский словарь. Москва : Русский язык, 1994. 842 с.
10. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка : в 4 т. Москва, 1987.
11. *Черных П. Я.* Историко-этимологический словарь русского языка : в 2 т. Москва : Русский язык, 1993.
12. *Boryś W.* Słownik etymologiczny języka polskiego. Kraków, 2005. 864 s.
13. *Brückner A.* Słownik etymologiczny języka polskiego. Warszawa : Wiedza Powszechna, 1974. 806 s.
14. *Długosz-Kurczabowa K.* Nowy słownik etymologiczny języka polskiego. Warszawa : PWN, 2003. 658 s.
15. *Gieysztor A.* Mitologia Słowian. Warszawa : Wyd-wo artystyczne i filmowe, 1982. 272 s.
16. *Karliková H.* Typy a původ sémantických změn výrazů pro pojmenování citových stavů a jejich projevů ve slovanských jazycích // *Slavia*, 67, 1998 [1-2].
17. *Rejzek, J.* Český etymologický slovník. Praha : Leda, 2001. 752 s.
18. Słownik języka polskiego / red. naukowy M. Szymczak. W 3 tt. Warszawa, 1981.
19. Slovník spisovné češtiny. Praha : Akademia, 2004. 648 s.

²² *Gieysztor A.* Mitologia Słowian. Warszawa : Wyd-wo artystyczne i filmowe, 1982. S. 106.